

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

В.М. Розин

Феноменологическое осмысление М. Хайдеггером техники (на материале статьи «Вопрос о технике»)

Розин Вадим Маркович – доктор философских наук, главный научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: rozinvm@gmail.com

В статье обсуждается одна из самых известных работ М. Хайдеггера «Вопрос о технике». Отмечаются трудности понимания теоретических положений этой статьи, ставится задача «расколдовать» эти положения. В связи с этим обсуждаются основные принципы феноменологического мышления: историчности, витальности, беспредпосылочности, ориентации сознания на предметность и др. Предлагается реконструкция процесса построения начала сущности техники, опирающаяся на данные принципы и бэкграунд Хайдеггера. Такое начало включает в себя процесс выведения непотаенного в открытость, который конкретизируется на двух уровнях – античной культуры и модерна. Автор отмечает связь этой конструкции с хайдеггеровской категорией бытия. Разбирается, каким образом на основе сконструированного начала Хайдеггер вводит понятие техники как «постава» и намечает путь разрешения проблемы власти техники. Как свободное существо человек может продумать происходящее, уяснить свою сущность как человека и, возможно, найти выход из грозящей ему опасности. Выход подсказывает история постава: одна из сущностных сторон античной техники – поэзия, искусство; не удастся ли спастись, возобновив на новом уровне поэзис техники. Автор эскизно излагает и свои представления о технике, а также перечисляет ее основные типы: техника как изготовление орудий, как магия, как инженерия, как технология, как техническая среда, как живой техносоциальный планетарный организм (Интернет). Завершается статья авторскими комментариями, включающими обсуждение некоторой ограниченности подхода Хайдеггера и указание на целое (культура, социальность, техногенная цивилизация), анализ которого, по мнению автора, должен позволить более объемно осмыслить технику.

Ключевые слова: техника, культура, цивилизация, власть, искусство, понимание, реконструкция, реальность, бытие, мышление

Постановка проблемы

Известно, что Хайдеггер сложен для понимания. Не исключение работа «Вопрос о технике», хотя первоначально она представляла собой лекцию, прочитанную для студентов Мюнхенского высшего технического училища, поэтому вроде бы должна была быть более понятной, чем другие исследования знаменитого немецкого философа. Ну как, спрашивается, понимать такие высказывания: «“Всякий по-вод для перехода и выхода чего бы то ни было из несуществования к присутствию есть *ποίησις*, про-из-ведение” <...> По-вод ведет к присутствию того, что обнаруживается в событии про-из-ведения. Произведение выводит из потаенности в открытость. Событие произведения происходит лишь постольку, поскольку потаенное переходит в непотаенное» [Хайдеггер, 1993, с. 224].

Подавляющее большинство комментаторов и исследователей Хайдеггера пересказывают эти положения, делая вид, что само собой понятно, что такое *несуществование* и *потаенное*, куда и кто выводит из него, о каком *присутствии* Хайдеггер говорит. А когда все же думающие философы пытаются объяснить, что это значит, они, как правило, одно непонимание заменяют другим, не менее непонятным [Пилявский, 2020].

Ситуация, как мы видим, непростая: очень знаменитый философ, отчасти даже модный в интеллектуальных кругах, и одновременно малопонятный. Пожалуй, статья «Вопрос о технике» самая известная, многократно цитируемая и комментируемая, притом что ее основные теоретические положения, очень важные для Хайдеггера, не разъяснены для читателей, непонятны. В данной работе я постараюсь все же прояснить, расколдовать их смысл.

Особенности феноменологического мышления

В полемике с адептами концепции Гуссерля Хайдеггер формулирует следующую методологическую установку. «Феноменология может быть воспринята лишь феноменологически, т.е. не просто путем повторения положений, перенятия основоположений или веры в школьные догмы, но посредством ее демонстрации (*Ausweisung*)» [цит. по: Михайлов, 1999, с. 229]. На наш взгляд, работа «Вопрос о технике» в наибольшей степени удовлетворяет этой формуле. Однако, что значит, по Хайдеггеру, мыслить феноменологически?

Во-первых, исходить из понимания реальности как *исторической* и *витальной*. Такое понимание у Хайдеггера сложилось под влиянием В. Дильтея. «Понятия “жизнь” и “историческая действительность”, – пишет И.А. Михайлов, автор книги “Ранний Хайдеггер”, – часто используются Дильтеем как равнозначные, поскольку историческая реальность сама понимается как “живая”, наделенная живительной исторической силой... В свою очередь Хайдеггер, осознав, что субъективная историчность никогда не сможет быть примирена с идеей объективной (“значимой” или “строгой”) науки, сделал свой выбор в пользу историчности, занявшись еще более радикальной деструкцией субъект-объектной парадигмы философского мышления» [Там же, с. 30–31]. Понять жизнь, считает Дильтей, можно через понимание и переживание,

и только если ее брать как целое, в органической связности, не выходя из жизни, выслушивая ее. «Наша жизнь, – пишет Хайдеггер, – есть наш мир, причем редко так, чтобы просто наблюдали его, но, скорее, так, что мы всегда, пусть и незаметно, скрыто “участвуем” в нем... И наша жизнь только постольку жизнь, поскольку живет в мире» [цит. по: Михайлов, 1999, с. 136].

Во-вторых, мыслить феноменологически – это значит начинать заново, не следовать уже сложившимся началам и методам (предпосылкам), т.е. мыслить беспредпосылочно, конституировать новое начало. «Мышления бытия как событие – это изначальное мышление, которое как размежевание с первым началом готовит начало другое» [Хайдеггер, 2009, с. 77]. «Способ рассмотрения этого вопроса (о смысле бытия. – В.Р.) является феноменологическим. Тем самым это исследование не предполагает ни определенной “точки зрения”, ни определенного “направления”, потому что феноменология не есть и не может стать ни тем, ни другим, пока она понимается правильно» [Heidegger, 1960, s. 27].

Правда, признание историчности и участия в жизни ставит под вопрос беспредпосылочное мышление. Михайлов поясняет: «Хайдеггер демонстрирует это, представляя свое понимание феноменологии. “Предметы надлежит брать так, как они сами, на самих себе, себя показывают”, – начинает он. С этим не мог бы не согласиться и сам Гуссерль. Но следующей же частью предложения Хайдеггер поясняет: “...т.е. так, как они встречаются для определенного всматривания (wie sie für ein bestimmtes Hinsehen begegnen)”. Тем самым уже совершен важный шаг к обоснованию предпосылочности, условности нашего видения, ибо: “Всматривание произрастает из [определенной] ориентированности в них (в предметах. – И.М.), из уже имеющегося знакомства с сущим”» [Михайлов, 1999, с. 229]. Другими словами, беспредпосылочность должна пониматься как отказ мыслить в рамках уже сложившихся систем и правил, как требование начать заново, чтобы учесть, схватить феномен (предмет в его уникальности, индивидуальности), но этот принцип вовсе не отрицает предпосылочность самого познания.

В-третьих, феноменологическое мышление понимается как исходящее из личности, ее видения и проблем («основонастроения»), ее реализации, из переживаемых личностью событий. «Всякое сущностное мышление, – пишет М. Хайдеггер, – требует, чтобы мысль и положения каждый раз заново как металл выплавлялись из основонастроения <...> Событие: надежный свет осуществления бытия в самом крайнем горизонте внутренней нужды исторического человека» [Хайдеггер, 2009, с. 69, 77].

В-четвертых, научность и познание для Хайдеггера – это не объективное схватывание действительности, а много разных процедур (всматривание, вопрошание, конституирование, рассуждение и др.), позволяющих не только получить знание, но и как бы «открыться» изучаемому предмету [Михайлов, 1999, с. 134–135].

В этом месте мне невольно вспоминается Седьмое письмо Платона, где он описывает особенности диалектики, перечисляя операции и условия мысли, которые подготавливают озарение и своеобразное «появление» предмета познания. «Лишь с огромным трудом, путем взаимной проверки – имени

определением, видимых образов – ощущениями, да к тому же, если это совершается в форме доброжелательного исследования, с помощью беззлобных вопросов и ответов, может просиять разум и родиться понимание каждого предмета в той степени, в какой это доступно для человека» [Платон, 1994b, с. 496].

Хайдеггер вслед за Дильтеем считает, что познание и схватывание предмета возможно через анализ языка и других объективных проявлений изучаемого феномена, в которых отложилась жизнь и переживания истории. «И для Хайдеггера задача феноменологии заключается в выявлении “логоса” феномена. Только “логос” толкуется более буквально: как слово, голос. В связи с этим, метафора “слушания”, “голоса” приобретает у Хайдеггера большее значение, нежели “видение», “созерцание”» [Михайлов, 1999, с. 186].

При всем при том феноменологическое мышление позволяет оставаться в самой жизни, одновременно откликаясь на ее вызовы (проблемы). Хайдеггер желает установить, «в каком строго научном смысле жизнь сама по себе может стать проблематичной (fraglich) <...> Конечной целью Хайдеггера является переход к феноменологии как науке, берущей свое начало в фактической жизни <...> Примечательно, что уже здесь “изначальная наука” обозначается как “герменевтическая”» [Там же, с. 135, 138, 139].

Построение Хайдеггером «начала» сущности техники

Посмотрим теперь, каким образом эти положения реализуются Хайдеггером в исследовании техники. Это исследование, действительно, беспредпосылочно и задает новое начало (концепцию). Хайдеггер характеризует технику в рамках собственного подхода и представлений, а другие концепции техники он критикует. Например, он говорит, что широко распространенное инструментальное понимание техники, связанное в мышлении с причинностью, скорее затемняет понимание техники, чем проясняет, особенно если человек хочет «утвердить власть духа над техникой», грозящей вырваться из-под этой власти. «Пока, – пишет Хайдеггер, – мы не вдумаемся в эти вопросы, причинность, а с нею инструментальность, а с этой последней примелькавшееся инструментальное определение техники останутся темными и необоснованными» [Хайдеггер, 1993, с. 223].

«Начало», исследуя технику, Хайдеггер задает, с одной стороны, как «сущность техники», что можно отнести к аристотелевской традиции, с другой – именно как «событие производства», как «переход потаенного в непотаенное». Это первый уровень задания начала, второй – конкретизация начала в двух исторических периодах – античной философии и в современности (модерне). Вслед за Стагиритом понятие «сущность» позволяет Хайдеггеру теоретически охарактеризовать ремесленную деятельность в античности как действие четырех аристотелевских причин. Современную технику Хайдеггер истолковывает как «постав», т.е. как такое раскрытие потаенного, которое представляет собой особое *производство*, а именно такое, в котором *одна техника делает необходимым другую, а эта – следующую и так далее.*

Мы спрашиваем о технике, а дошли теперь до ἀλήθεια, открытости потаенного. Какое отношение имеет существо техники к раскрытию потаенного? Ответ: прямое. Ибо на раскрытии потаенности стоит всякое про-из-ведение. Последнее, со своей стороны, собирает в себе четыре вида повода – всю причинность – и правит ими <...> Что такое современная техника? Она тоже раскрытие потаенного <...> Царящее в современной технике раскрытие потаенного есть производство <...> Вместе с тем такое производство всегда с самого начала несет в себе установку на воспроизводство, на увеличение производительности в смысле извлечения максимальной выгоды при минимальных затратах <...> Какого рода открытость присуща тому, что вышло на свет в процессе производящего предоставления? Его во всех случаях заставляют установленным образом быть в распоряжении, а именно с установкой на дальнейшее поставляющее производство <...> Назовем его состоянием-в-наличии <...> Назовем теперь тот захватывающий вызов, который сосредоточивает человека на поставлении всего, что выходит из потаенности, в качестве состоящего-в-наличии, – *по-ставом* [Хайдеггер, 1993, с. 225–229].

По Аристотелю, начало – это не только исходный пункт рассуждений и доказательств, но и положение, выражающее сущность явления. Для Хайдеггера сущность явления в процессе конституирования начала (в этот процесс входит и настройка познающего, выслушивающего коллизии и вызовы жизни) задается проблемами, которые подвизающийся в познании формулирует, выслушивая жизнь. По отношению к технике Хайдеггер формулирует следующие проблемы: понять различие античной и современной техники, объяснить, почему современная техника основывается на естествознании и представляет собой механизм порождения новой техники на основе уже созданной техники, осмыслить представления, по которым современная техника захватила человека, лишая его самостоятельности и воли.

Все нацелено на то, чтобы надлежащим образом управлять техникой как средством. Хотят, что называется, «утвердить власть духа над техникой». Хотят овладеть техникой. Это желание овладеть становится все более настойчивым, по мере того как техника все больше грозит вырваться из-под власти человека. <...>

Люди говорят, что современная техника – нечто совершенно другое в сравнении со всей прежней, поскольку она опирается на точные науки Нового времени <...> Решающим остается вопрос: в чем существо современной техники, если она дошла до того, что в ней применяется точное естествознание? [Там же, с. 222, 225–226].

Какие же свойства надо было приписать началу, чтобы разрешить указанные проблемы? Ответ мы знаем, это конструкция – *«событие производства происходит лишь постольку, поскольку потаенное переходит в непотаенное»*, которая конкретизируется на двух уровнях, античной философии и ремесла, а также производства и естествознания нового времени. Но как была получена эта конструкция? Для ответа приходится сделать отступление и обратиться к Платону и Аристотелю, а также к Канту, и лишь потом вернуться к Хайдеггеру.

У Платона в «Государстве» есть фрагмент, в котором, по сути, обсуждается природа техники. Ставится вопрос, что собой представляет скамья. Платон

говорит, что это идея скамьи как основная реальность, как то, что существует. Затем есть скамья, сделанная ремесленником, – это прообраз (*копия*) идеи скамьи. Есть картина скамьи, нарисованная художником, – это, в свою очередь, уже *копия копии* [Платон, 1994а, с. 389–420]. Уже здесь Платон решает задачу, как понять отношение, связывающее познание (выявление, припоминания идеи) с практическим, техническим действием (ремесленным изготовлением скамьи). Фактически Платон говорит, что познание выступает необходимым условием технического действия, но пока утверждает это неявно. Аристотель в «Метафизике» на примере лечения эту тему обсуждает уже осознанно, показывая, что условием изготовления вещей является предварительное их познание (мышление о них) [Аристотель, 1934, с. 122].

Второе аристотелевское новшество – замена платоновской идеи на процесс («движение»), происходящий «по природе». Додумывая Стагирита, можно сказать, что техническое действие он должен понимать как такое, которое основывается на природе той вещи, которая создается. В свою очередь, чтобы описать природу вещей, утверждает Аристотель, нужно выявить ее сущность (причины) [Розин, 2017, с. 62, 68].

Если Стагирит считал, что основным способом познания вещей является индукция (наблюдение и опыт), то Кант с этим не согласен, говоря, что скорее человек приписывает вещам нужные свойства. «Он понял, что иметь о чем-то верное априорное знание он может лишь в том случае, если приписывает вещи только то, что необходимо следует из вложенного в нее им самим сообразно его понятию» [Кант, 1964, с. 84–85].

Однако в этом случае возникал вопрос, каким образом вещь обуславливает приписывание ей нужных свойств. Если бы вещь в силу творения Богом обладала «голосом» (так считали в Средние века), то она могла бы по принципу обратной связи корректировать действия познающего, но ведь Кант, мысля рационально, не приписывал познаваемым вещам такой способности. Кант выбирает другой путь: утверждает, что есть «явления» и «вещи в себе», а между ними, как посредник, «трансцендентальная схема». «Мы можем, – пишет он, – познавать предмет не как вещь в себе, а лишь постольку, поскольку он объект чувственного созерцания, то есть как явление». При этом, поясняет Кант, «у нас всегда остается возможность если и не *познавать*, то по крайней мере *мыслить* эти предметы также как вещи в себе. Ведь в противном случае мы пришли бы к бессмысленному утверждению, будто явление существует без того, что является». «Ясно, что должно существовать нечто третье, однородное, с одной стороны, с категориями, с другой – с явлениями и делающее возможным применение категорий к явлениям» [Там же, с. 93, 221]. Дальше оказывается, что этот посредник – *трансцендентальная схема* – определяется Кантом не предметно, а через *синтезирующую деятельность воображения* [Там же, с. 223–224].

Трудно сказать, в какой реальности расположены явления и вещи в себе, в одной или разных. Хайдеггер этот вопрос решает однозначно: и объекты изучения, и технические объекты, и, соответственно, познание и технические действия (техническое искусство) принадлежат одной реальности – «бытия». Вышел он на это убеждение, констатируя, что в истории философии и науки

было много трактовок сущности, и спрашивая, что за ними стоит в плане «предельной онтологии». «Итак, – разъясняет Михайлов, – толкование различных значений сущего пробудили у молодого Хайдеггера интерес к следующему: Что же *объединяет* все эти значения? Что есть бытие? С тех пор вопрос о бытии (или, как Хайдеггер иногда еще говорит: о то *δν*) стал и “всегда оставался” для Хайдеггера “направляющим философским вопросом”. Опять-таки занятия античной философией привели Хайдеггера к важному прозрению:

“В начале европейской философии, а соответственно и во всей последующей философии, хотя и был главным вопрос: что есть сущее как таковое? – Однако никогда не спрашивалось: что есть само бытие, в чем состоит и коренится явленность (*Offenbarkeit*) бытия человеку и его отношение к нему?”» [Михайлов, 1999, с. 47].

Хайдеггер принимает бытие как «непосредственную реальность» (как единственное, что существует, существование же всего остального можно понять через бытие). Владимир Биbihин, поясняя хайдеггеровское понимание бытия, пишет: «Назовем главную, а по сути единственную мысль Хайдеггера: мы никогда не можем фиксировать бытие как некий предмет, и тем не менее мы воспринимаем предметы только в свете их бытия. Мы никогда не можем объяснить, почему бытие есть, а не нет его» [Биbihин, 1989, web].

Утвердившись в таком понимании предельной онтологии, Хайдеггер дальше решает вопрос о природе философского и научного познания, в том числе, и каким образом последнее связано с техническим действием. Я предполагаю, что его мысль разворачивалась следующим образом. Когда технический объект (например, чаша для жертвоприношения) уже создан, его бытие явилось. При этом условием технического действия выступало знание сущности этого объекта. То есть знание сущности тоже – условие явления бытия. Но в какой форме бытие чаши существовало, когда был только замысел создания этого объекта? Вероятно, в скрытой для мастера, хотя и воображаемой. Как назвать подобное существование бытия? Может быть, «несуществованием», «потаенным»? Тогда сам процесс создания технического объекта можно назвать «раскрытием потаенного» или «выведением из непотаенного», а его результат – «просветом бытия», поскольку мастер не только создал произведение, но и приобщился к бытию, однако, так сказать не прямо, а косвенно, посредством созданной им вещи, поэтому только «просвет».

«С самых ранних веков вплоть до эпохи Платона, – разъясняет Хайдеггер, – слово *τέχνη* стоит рядом со словом *ἐπιστήμη*. Оба слова именуют знание в самом широком смысле. Они означают умение ориентироваться, разбираться в чем-то. Знание приносит ясность. В качестве проясняющего оно есть раскрытие потаенности. В специальном трактате (“Никомахова этика” VI, гл. 3 и 4) Аристотель проводит различие между *ἐπιστήμη* и *τέχνη*, причем именно в свете того, что и как они выводят из потаенности. *Τέχνη* – вид “истинствования”, *ἀληθεύειν*. *Τέχνη* раскрывает то, что не само себя про-изводит, еще не существует в наличии, а потому может выйти и выглядеть и так и иначе. Человек, строящий дом или корабль или выковывающий жертвенную чашу, выводит про-из-водимое из потаенности соответственно четырем видам “повода”. Это раскрытие потаенного заранее собирает образ и материал корабля и дома

воедино в свете пред-видимой законченности готовой вещи и намечает исходя отсюда способ ее изготовления. Решающая суть τέχνη заключается тем самым вовсе не в операциях и манипуляциях, не в применении средств, а в вышеназванном раскрытии. В качестве такого раскрытия, но не в качестве изготовления, τέχνη и оказывается про-из-ведением» [Хайдеггер, 1993, с. 225].

Определено ли начало техники? С одной стороны, да, с другой – нет, поскольку все равно остается неясным, неконкретным это самое несуществование технического объекта. Вот здесь, на мой взгляд, и срабатывает дильтеевское наследство (влияние): бытие всегда исторично, конкретно и антропологично (выводится к существованию человеком истории, выявляющим сущность явления). Что это означает применительно к данной задаче? Необходимость исторического и антропологического анализа техники. Чем Хайдеггер и занимается, но уже в рамках созданной конструкции начала. Впрочем, эта рамка мало влияет на такой анализ, хайдеггеровское начало техники и ее конкретизации, на мой взгляд, выполнены с помощью разных понятий и рассуждений.

Итак, Хайдеггер построил начало сущности техники. Дальше он создает теоретическое объяснение античной и современной техники, примерно в духе аристотелевского понимания науки, и затем обсуждает возможный путь разрешения заявленных им проблем.

Авторское понимание современной техники

Если по поводу античного анализа техники у меня как философа техники нет возражений, то что касается техники модерна, есть серьезное замечание. На мой взгляд, Хайдеггер так и не объяснил, каким образом на основе естествознания создается техника нового времени. Есть отдельные соображения о роли природы, расчетов, влияния производства, управления и обеспечения («управление и обеспечение делаются главными чертами про-из-водящего раскрытия»), но в целом конструкция, объясняющая современную технику, отсутствует. Хорошо объяснена только одна сторона техники, названная «поставом», которую я отношу к «технической среде». Поясню в связи с этим свое понимание техники, полученное в результате ее исследований.

«Суть инженерного способа создания технических изделий, – показываю я, – состоит в разработке такой инженерной конструкции (предполагающей реализацию определенных законов природы, определении на основе этих законов и физических экспериментов условий протекания нужных инженеру процессов природы, расчета этих процессов и конструкции), которые позволяют запустить интересующие человека процессы природы и управлять ими...

Наличие в природе большого количества процессов (разного рода движений, тепловых процессов, магнитных и электромагнитных процессов, оптических и др.), только частично объясняет взрыв технического творчества, начиная со второй половины XVIII в. Не меньшую роль сыграл выдвинутый Ф. Бэконом проект овладения природой... Этот проект до сих пор склоняет ученых и инженеров вновь и вновь изучать природу, искать возможности практического использования исследованных процессов, создавать на этой основе новые инженерные сооружения. Сыграли свою немалую роль и социальные

институты (промышленности и технического образования), и система научно-технических ценностей модерна, прекрасно описанная В. Рачковым как феномен “технократического дискурса”... Думаю не вызывает сомнения связь технократического дискурса с социальным аспектом техники и способом ее существования как практики.

Взрыв на протяжении почти столетия технического творчества и основанное на инженерии производство породили два очень важных последствия: во-первых, сформировалась техническая среда, которая начала оказывать влияние на все стороны жизни человека модерна, причем не только благотворное, замысленное человеком, но и негативное, с которыми человек не хотел мириться, во-вторых, в связи с этим изменилось, причем кардинально, понимание техники. Под техникой теперь стали понимать две хотя взаимосвязанные, но все же разные вещи: с одной стороны, создание технических изделий (орудий, механизмов, машин, сооружений), с другой – техническую среду человека. Пионерами в плане осознания новой сущности техники выступили Николай Бердяев и Мартин Хайдеггер. Первый обратил внимание, что технику не удастся свести ни к природе, ни к продуктам деятельности человека, что это теперь наша судьба, новая реальность, второй – что техника как “постав” (здесь Хайдеггер отчасти давал средовое истолкование техники) определяет не только трансформацию природы, но и начинает диктовать человеку...

Таким образом, на наш взгляд, необходимо различать – технику как инженерию и как техническую среду. Конечно, последняя формируется на основе инженерной деятельности, но также реализации проекта овладения природой, развития естествознания, работы современной промышленности, трансформаций природы. Стоит отметить, что понятие технической среды невозможно подвести под концепт практики, зато оно хорошо коррелирует с понятием «социальной реальности» [Розин, 2022, с. 20–21].

Помимо инженерии и технической среды к современной технике относятся и *технология*. Анализ первых идеологов технологии Иоганна Бекманна, Чарльза Бэббиджа, Фредерика Тейлора показывает, что они решали не инженерные задачи, их интересовала рациональная, научная организация производственной (в частности технической, поэтому и **технология**) деятельности, позволяющая предпринимателям выигрывать в капиталистической конкуренции. Отсюда интерес к разделению труда, экономии, качеству изделий, стандартизации, управлению, а с подачи Тейлора и к исследованию, оптимизации и перестройке производственной деятельности. К технологии вел, с одной стороны, *деятельностный* поворот, с другой – поворот, которой позднее связали с *менеджментом*, включающим исследование и рациональную перестройку деятельности специалистами, подготовленными для решения подобных задач.

Во второй половине XX столетия понимание технологии существенно меняется. Во-первых, технология теперь мыслится не только как организация (исследование и перестройка) технической деятельности, но любой деятельности, например, в области образования, экономики, обслуживания, здравоохранения. Во-вторых, хотя контекст конкуренции сохраняется, на первый план выходит *социокультурный* контекст (особенно это очевидным становится после реализации атомного технологического проекта). В-третьих, постепенно

осознается, что большие технологические проекты (например, атомный, оборонные, полета на Луну, реформирования экономики, создание мобильной связи или Интернета, сегодня, вакцины против эпидемии коронавируса) являются одновременно и социальными проектами.

В связи с этим проясняется смысл высказываний Бердяева и Хайдеггера о «технике в широком понимании» как нашей судьбе... Последнее обстоятельство, а именно, что большие технологические проекты являются и социальными, очень важное. Оно объясняет масштаб и глубину кризиса нашей цивилизации: бурное развитие новых технологий обуславливает социальные изменения, и наоборот, социальные новации заставляют развивать технологии. В свою очередь обе указанные трансформации меняют условия и среду жизни человека, причем, как правило, неконтролируемо и неожиданно» [Там же, с. 22–23].

Наконец, к современной технике относится и Интернет, представляющий собой не только технику в широком понимании, но живой («техносоциальный») планетарный организм [Розин, 2022, с. 24–28; Розин, 2016, с. 235–247].

«Постава» как способ объяснить власть техники над человеком, а также возможный выход из сложившейся ситуации

Не стоит умалять значение хайдегговского понятия техники как постава. Оно позволило в рамках техногенной цивилизации объяснить власть техники, а также невозможность человека волевым усилием перехватить эту власть. Хайдеггер утверждает, что, раскрывая непотаенность в форме естественнонаучного познания природы и современного производства, человек *оказывается захваченным (подчиненным) этим процессом, образующим его судьбу, блокирующим его сознание и разум*. Это и есть сущность постава как власти техники над человеком, как риск в отношении его бытия. Но как *свободное существо* человек может продумать происходящее, уяснить уже свою сущность как человека и, возможно, найти выход из грозящей ему опасности. Этот выход подсказывает история постава: одна из сущностных сторон античной техники – поэзия, искусство, не удастся ли спастись, возобновив на новом уровне поэзис техники?

Захваченный поставляющим производством, человек стоит внутри сущностной сферы постава. Он никак не может занять то или иное отношение к нему, поразмыслив. Поэтому вопрос, в какое нам встать отношение к существу техники, в такой своей форме всегда уже запоздал. Зато никогда не поздно спросить, знаем ли мы собственно о самих себе, что наше действие и наше бездействие во всем то явно, то скрыто втянуто в по-став. Никогда не поздно спросить, главное, задеты ли мы, и как, собственно, задеты сущностной основой самого постава. <...>

Когда-то не только техника носила название «техне». Когда-то словом «техне» называлось и то раскрытие потаенного, которое выводит истину к сиянию явленности.

Когда-то про-из-ведение истины в красоту тоже называлось «техне». Словом «техне» назывался и «пойесис» изящных искусств. <...>

Будут ли изящные искусства снова призваны к поэтическому раскрытию потаенного? Потребуется ли от них это раскрытие большей изначальности, так,

что они в своей доле участия будут возвращать спасительное, вновь будить и поддерживать внимание и доверие к осуществляющему? Дано ли искусству осуществить эту высшую возможность своего существа среди крайней опасности, никто не в силах знать [Хайдеггер, 1993, с. 231, 237–238].

Выше мы отмечали, что феноменологическое мышление – это много разных процедур (всматривание, вопрошание, конституирование, рассуждение и др.). В статье «Вопрос о технике» налицо все эти процедуры, но особенно широко Хайдеггер использует семантический анализ слов, а также вопрошание (заканчивая статью, Хайдеггер пишет: «Чем ближе мы подходим к опасности, тем ярче начинают светиться пути к спасительному, тем более вопрошающими мы становимся. Ибо вопрошание есть благочестие мысли» [Там же, с. 238]).

Заключительные комментарии

Поражает предлагаемое Хайдеггером решение, оно, на мой взгляд, слабое. Разве возможно решение монблана современных проблем научно-технического развития на путях скрещивания современной техники с искусством? Хайдеггер прав, показывая, что постав (естественнонаучное познание природы, современное производство и техническое мировоззрение) блокирует рациональные решения и преобразования, которые бы способствовали более разумному и безопасному развитию человечества. Современные исследования показывают, что блокирует не только постав. Это лишь один из факторов. Целое образует *техногенная цивилизация и новоевропейская культура* (модерн), в рамках которых мировоззрение и социальные институты задают такое видение и понимание, которые препятствуют давно напрашивающимся изменениям.

Да, техника как феномен задается проблемами, историей и основонастройением, но не только теми, на которые опирался Хайдеггер. Например, кроме проблем, указанных Хайдеггером, не менее важными являются и другие: понять, когда техника возникает (в неолите, Древнем мире, Античности, Новом времени); почему, начиная примерно с XVIII столетия, техника развивается взрывным образом; чем различаются техника и технология; объяснить природу негативных последствий научно-технического развития и пути их минимизации; охарактеризовать влияние на развитие техники культуры и социальности; развести семиозис и технику, а также инженерию и социальную технику и др.

История техники не ограничивается античной техникой и техникой модерна. Автор показывает, что техника в своем историческом развитии прошла несколько этапов, каждый из которых характеризуется уникальными особенностями. Это этап техники как создания орудий; этап опытной техники Древнего мира, понимаемой как магия; этап рационального понимания техники как инженерии; этап техники как проектирования; этап технологического понимания техники; современное гибридное истолкование техники. При этом предыдущие формы техники как предпосылки готовили последующие и частично в видоизмененном виде входили в них [Розин, 2001; Розин, 2016].

И основонастройка по поводу техники, на наш взгляд, является более широким. Разные виды и формы техники, разные виды технического искусства

(орудия, механизмы, машины, технические сооружения, техническая среда, Интернет; магия, изобретения, инженерное творчество, проектирование, технологические решения и проекты). Техника как самостоятельная область и реальность и техника как социальный институт и техносфера. Техника как «социальное тело» человека, общества и государства и техника как угроза и риск для жизни человечества. Оптимизация техники модерна, минимизация негативных последствий техники, создание техники «фьючекультуры». Понимание, что, не пройдя серию техногенных и социальных катастроф, современный человек, обусловленный поставом, не приступит к серьезным изменениям своей жизни.

Список литературы

Аристотель, 1934 – *Аристотель. Метафизика* / Пер. с древнегреч. и примеч. А.В. Кубицкого. М.: Л.: Соцэкгиз, 1934. 347 с.

Бибихин, 1989 – *Бибихин В. Хайдеггер* // *Знание – сила*. 1989. № 10. С. 60–68. URL: <http://bibikhin.ru/haydegger> (дата обращения: 14.07.2023).

Кант, 1964 – *Кант И. Критика чистого разума* / Пер. с нем. // *Кант И. Сочинения*: в 6 т. Т. 3. М.: Мысль, 1964. С. 69–756.

Михайлов, 1999 – *Михайлов И.А. Ранний Хайдеггер: Между феноменологией и философией жизни*. М.: Прогресс-Традиция: Дом интеллектуальной книги, 1999. 284 с.

Пилявский, 2020 – *Пилявский Н. Мартин Хайдеггер и будущее: почему у техники не техническая сущность и зачем нужна поэзия в XXI веке? Беседа с философом и переводчиком Александром Михайловским* // *Нож*. 15.12.2020. URL: <https://knife.media/heidegger-techn/> (дата обращения: 14.07.2023).

Платон, 1994а – *Платон. Государство* / Пер. с древнегреч. А.Н. Егунова // *Платон. Собр. соч.*: в 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 1994. С. 79–421.

Платон, 1994б – *Платон. Седьмое письмо* / Пер. с древнегреч. С.П. Кондратьева // *Платон. Собр. соч.*: в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1994. С. 475–504.

Розин, 2001 – *Розин В.М. Философия техники*. М.: NOTA BENE, 2001. 456 с.

Розин, 2006 – *Розин В.М. Понятия и современные концепции техники*. М.: ИФРАН, 2006. 255 с.

Розин, 2016 – *Розин В.М. Техника и технология: от каменных орудий до Интернета и роботов*. Йошкар-Ола: ПГТУ, 2016. 280 с.

Розин, 2017 – *Розин В.М. Природа: Понятие и этапы развития в европейской культуре*. М.: ЛЕНАНД, 2017. 240 с.

Розин, 2022 – *Розин В.М. Инженерия, технология, техническая среда: социальная реальность, деятельность, практики* // *Социально-технологический дискурс в теориях и практиках цифрового тренда* / Под ред. Н.Г. Багдасарьян. М.: Изд МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2022. С. 13–27.

Хайдеггер, 1993 – *Хайдеггер М. Вопрос о технике* / Пер. с нем. В.В. Бибихина // *Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления*. М.: Республика, 1993. С. 221–237.

Хайдеггер, 2009 – *Хайдеггер М. Вклады в дело философии. От события* / Пер. с нем. Э. Сагетдинова // *Ερμηνεία*. 2009. № 1 (1). С. 56–94.

Heidegger, 1960 – *Heidegger M. Sein und Zeit*. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1960. 437 s.

Phenomenological understanding of technology by M. Heidegger (on the material of the article “The Question Concerning Technology”)

Vadim M. Rozin

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 109240, Russian Federation, Moscow, st. Goncharnaya, 12, build. 1; e-mail: rozinvm@gmail.com

The article discusses one of the most famous works of M. Heidegger “The Question Concerning Technology”. Difficulties in understanding the theoretical provisions of this article are noted, and the task is to “disenchant” these provisions. In this regard, the main principles of phenomenological thinking are discussed: historicity, vitality, non-premises, orientation of consciousness to objectivity, etc. A reconstruction of the process of building the beginning of the essence of technology, based on these principles and Heidegger’s background, is proposed. Such a beginning includes the process of bringing the unhidden into openness, which is concretized at two levels – ancient culture and modernity. The author notes the connection of this construction with the Heideggerian category of being. It analyzes how, on the basis of the constructed beginning, Heidegger introduces the concept of technology as a “setup” and outlines the way to resolve the problem of the power of technology. As a free being, a person can think through what is happening, understand his essence as a person and, perhaps, find a way out of the danger that threatens him. The story of the setting suggests a way out: one of the essential aspects of ancient technology is poetry, art; will it not be possible to save ourselves by resuming the poiesis of technology at a new level? The author sketches out his ideas about technology, and also lists its main types: technology as the manufacture of tools, as magic, as engineering, as technology, as a technical environment, as a living techno-social planetary organism (Internet). The article ends with the author’s comments, including a discussion of some limitations of Heidegger’s approach and an indication of the whole (culture, sociality, technogenic civilization), the analysis of which, in the author’s opinion, should allow a more comprehensive understanding of technology.

Keywords: technology, culture, civilization, power, art, understanding, reconstruction, reality, being, thinking

References

- Aristotle. *Metafizika* [Metaphysics], trans. from Ancient Greek by A.V. Kubitsky. Moscow; Leningrad: Sotsekgiz Publ., 1934. 347 pp. (In Russian)
- Bibikhin, V. “Heidegger”, *Znanie – sila* [Knowledge is power], 1989, no. 10, pp. 60–68 [<http://bibikhin.ru/haydegger>, accessed on 14.07.2023]. (In Russian)
- Heidegger, M. “Vklady v delo filosofii. Ot sobytiya” [Contributions to Philosophy (Of the Event)], transl. from German by E. Sagetdinov, *Ερμηνεία*, 2009, no. 1 (1), pp. 56–94. (In Russian)
- Heidegger, M. “Vopros o tehnikе” [The Question Concerning Technology], transl. from German by V.V. Bibikhin, in: M. Heidegger, *Vremya i bytie: Stat’i i vystupleniya* [Being and Time]. Moscow: Respublika Publ., 1993, pp. 221–237. (In Russian)
- Heidegger, M. *Sein und Zeit*. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1960. 437 s.
- Kant, I. “Kritika chistogo razuma” [Critique of Pure Reason], in: I. Kant, *Works in 6 vols.* Vol. 3. Moscow: Mysl’ Publ., 1964, pp. 69–756. (In Russian)
- Mikhailov, I.A. *Rannii Khaidegger: Mezhdru fenomenologii i filosofiei zhizni* [Early Heidegger: Between Phenomenology and Philosophy of Life]. Moscow: “Progress-Traditsiya”, “Dom intellektual’noi knigi” Publ., 1999. 284 pp. (In Russian)

Pilyavsky, N. “Martin Khaidegger i budushchee: pochemu u tekhniki ne tekhnicheskaya sushchnost’ i zachem nuzhna poeziya v XXI veke? Beseda s filosofom i perevodchikom Aleksandrom Mikhailovskim” [Martin Heidegger and the future: why does technology have no technical essence and why is poetry needed in the 21st century? Conversation with philosopher and translator Alexander Mikhailovsky], *Nozh* [Knife], 15.12.2020 [<https://knife.media/heidegger-techne/>, accessed on 14.07.2023]. (In Russian)

Plato. “Gosudarstvo” [The State], trans. from ancient Greek by A.N. Egunov, in: Plato, *Works in 4 vols.* Vol. 3. Moscow: Mysl’ Publ., 1994a, pp. 79–421. (In Russian)

Plato. “Sed’moe pis’mo” [The seventh letter], transl. from Ancient Greek by S.P. Kondratiev, in: Plato, *Works in 4 vols.* Vol. 4. Moscow: Mysl’ Publ., 1994b, pp. 475–504. (In Russian)

Rozin, V.M. “Inzhenerija, tehnologija, tehničeskaja sreda: social’naja real’nost’, dejatel’nost’, praktiki” [Engineering, technology, technical environment: social reality, activity, practices], in: *Social’no-tehnologičeskij diskurs v teorijah i praktikah cifrovogo trenda* [Socio-technological discourse in theories and practices of the digital trend], ed. by N.G. Bagdasaryan. Moscow: The Bauman Moscow State Technical University Publ., 2022, pp. 13–27. (In Russian)

Rozin, V.M. *Filosofija tehniki* [Philosophy of technology]. Moscow: NOTA BENE Publ., 2001. 456 pp. (In Russian)

Rozin, V.M. *Ponjatija i sovremennye koncepcii tehniki* [Concepts and modern concepts of technology]. Moscow: IF RAS Publ., 2006. 255 pp. (In Russian)

Rozin, V.M. *Priroda: Ponjatie i jetapy razvitija v evropejskoj kul’ture* [Nature: The concept and stages of development in European culture]. Moscow: LENAND Publ., 2017. 240 pp. (In Russian)

Rozin, V.M. *Tekhnika i tehnologija: ot kamennykh orudii do Interneta i robotov* [Technique and technology: from stone tools to the Internet and robots]. Yoshkar-Ola: PSTU Publ., 2016. 280 pp. (In Russian)